

Г. Ф. Фейгин²**МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
ТЕНДЕНЦИИ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ**

На современном этапе мировое хозяйство переживает сложную и противоречивую стадию в своем развитии. Глобализация как мегатренд, характеризовавший динамику мировой экономики начиная с 1970-х годов, в настоящее время проявляется не столь отчетливо. Объемы мирового экспорта, возраставшие существенными темпами на протяжении 1970–2000-х, в 2011–2015 годах оставались примерно на одном уровне (колебались в пределах 23,6–21,3 трлн долл.), так что их рост практически прекратился. Что касается прямых иностранных инвестиций (ПИИ), то их динамика по своей природе волнообразна, так как инвесторы при принятии решений о крупных вложениях средств за рубежом довольно чувствительны к колебаниям мировой экономической конъюнктуры. Поэтому изменения объемов ПИИ характеризуются чередованием периодов роста и относительного спада. Тем не менее примечателен тот факт, что с 2011 года объемы мировых ПИИ колеблются в пределах 1560–2200 млрд долл., что значительно ниже пикового 2007 года. Аналогичные тенденции наблюдаются и на международных финансовых рынках, когда речь идет об объемах международных кредитов, торговли ценными бумагами, валютных операций, и здесь уровень докризисного 2007 года до сих пор не достигнут.

Некоторое замедление прогресса в глобализации хозяйственных связей проявляется не только в значении количественных показателей. Не менее важными представляются и институциональные факторы. В 2016 году в истории Евросоюза произошел беспрецедентный случай: в Великобритании был проведен референдум, результаты которого свидетельствуют о желании жителей страны выйти из состава ЕС. Значимость этого события заключается в том, что вопрос о выходе страны из ЕС был поставлен на общенародное голосование практически впервые. На протяжении ряда десятилетий европейское сообщество принимало все новых членов (его состав расширился от 6 первых членов Европейского экономического сообщества в 1957 году до 28 членов ЕС в 2013-м), притом что ни одна страна до сих пор не выходила из ЕС. Создание прецедента выхода одной страны из ЕС несколько подрывает устойчивость этого наиболее крупного и продвинутого интеграционного образования. Следует отметить, что и другие крупнейшие региональные интеграционные проекты в последние годы не показывают существенного прогресса. В рамках таких блоков, как Северо-Американская зона свободной торговли (НАФТА), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Общий рынок стран Южной Америки (МЕРКОСУР), несмотря на амбициозные интеграционные цели, процессы создания экономических союзов (а в ряде случаев и таможенных) нельзя признать завершенными.

С существенными проблемами столкнулся процесс реализации межрегиональных интеграционных проектов. Идея создания Транстихоокеанского торгового партнерства не станет реальностью в ближайшее время, так как США в январе 2017 года вышли из соответствующего Соглашения. Другой аналогичный про-

² Профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Национальные экономики в эпоху глобализации», «Механизмы управления организациями социально-культурной сферы в трансформируемой экономике России» (в соавт.), «Стратегический менеджмент в условиях глобализации», «Теория и практика приватизации в объединенной Германии», «Закономерности глобализации и развитие национальных экономик», «Прямые иностранные инвестиции: значение для развития экономики России», «Менеджмент в условиях глобализации» и др.

ект, связанный с созданием Трансатлантической зоны свободной торговли и инвестиционного партнерства (единый рынок США–ЕС), также не завершен. Политики (в частности, недавно избранный президент США Дональд Трамп) периодически высказывают идеи о необходимости некоторого усиления протекционизма и по крайней мере частичного возвращения обрабатывающих производств на территорию индустриальных стран (Трамп считает необходимым возвращение бренда «сделано в США»).

Обозначенные процессы свидетельствуют о том, что процесс глобализации, достигнув значительно прогресса, подошел к определенному барьеру, преодоление которого представляется непростой задачей. На это может уйти достаточно много времени. По нашему мнению, этот барьер обусловлен сочетанием экономических и культурных факторов. Экономическая составляющая связана прежде всего с сохранением существенных различий в уровне развития отдельных стран. В современной экономической науке популярен термин «догоняющее развитие», то есть сокращение дистанции между индустриальными и развивающимися странами. Приблизительно с 1995 года темпы экономического роста стран с низким и средним уровнем дохода начали существенно превышать аналогичный показатель для стран с высоким уровнем дохода. В 2000–2004 годах среднегодовые темпы роста в странах с низким и средним уровнями дохода были равны 5,34 %, в то время как в странах с высоким уровнем дохода — только 2,5 %. В 2005–2009 годах аналогичные показатели составляли 6,28 % против 1,08 %, а в 2010–2015 годах — 5,1 % и 1,9 % соответственно. Это в какой-то мере подтверждает гипотезу о «догоняющем развитии». Однако в 2015 году ВВП на душу населения в текущих ценах в США превосходил аналогичный показатель: для Аргентины — в 4,2 раза, Анголы — 13,7, Непала — 75,5. По паритету покупательной способности (ППС) на душу населения разрывы несколько меньше: 2,75 раза — для Аргентины, 7,6 — для Анголы, 22,8 раза — для Непала. Эти данные свидетельствуют о том, что, даже несмотря на относительно высокие темпы роста, подавляющее большинство развивающихся стран не имеет шансов в ближайшие десятилетия приблизиться по показателю ВВП на душу населения к уровню развитых стран. Подобная ситуация порождает недовольство в контексте оценок эффективности глобализационной модели: реальность показывает, что сохраняется существенная дифференциация доходов и во многих регионах фактическая бедность затрагивает широкие слои населения. Неслучайно в современных исследованиях феномена глобализации зачастую встречаются такие понятия, как «глобальная нестабильность», «глобальные дисбалансы», «глобальные диспропорции».

Заслуживает внимания и еще одна проблема. Большие различия в уровне жизни между развитыми и развивающимися странами приводят к распространению миграции (в различных формах, в том числе и нелегальной). Жители развивающихся стран стремятся переселиться в развитые страны в поисках лучшей доли. Они предполагают, что, оказавшись в любой из разви-

тых стран, независимо от своего социального статуса и выполняемой работы, смогут обеспечить себе и своей семье лучшее положение, нежели на родине. Концепция мультикультурализма, лежащая в основе европейской интеграции, органически сочетает два аспекта.

Первый аспект основан на стремлении объединить в рамках ЕС страны и народы с разной исторической судьбой и разными культурами. При наличии существенных успехов в этом процессе возникли определенные проблемы. Долговой кризис 2011 года свидетельствует о том, что в странах ЕС наблюдалась явная несогласованность в бюджетной политике. Отсутствие должного уровня «бережливости» в расходовании средств государственного бюджета, финансирование социальных программ в объемах, существенно превышающих бюджетные доходы, привели к непомерному возрастанию государственного долга в некоторых странах ЕС (прежде всего в Греции, Португалии, Испании и Италии). В связи с тем что эти страны входят в зону евро, позиции данной валюты на мировом валютном рынке несколько пошатнулись и был поставлен вопрос о возможном выходе Греции из зоны евро.

Процесс выхода Великобритании из ЕС, вероятно, также имеет культурно-исторические причины. На протяжении длительного периода пребывания в ЕС Великобритания проводила относительно самостоятельную политику, так что во многих исследованиях зачастую противопоставлялись «островная» и «континентальная» части Европы. На современном этапе Великобритания стремится найти новые конфигурации в своем международном сотрудничестве. Приоритетным направлением является британское Содружество, куда входят бывшие британские колонии, связанные с современной Великобританией некоторой культурной общностью.

Второй аспект связан с проводимой на протяжении ряда десятилетий политикой толерантности по отношению к выходцам из других стран, населяющих Европу. Некоторые страны ЕС (Германия, Франция) приняли большое количество мигрантов. В последние 2–3 года возрос поток беженцев, в значительной мере обусловленный военными действиями в Сирии. Прием беженцев направлен на оказание им помощи и является неотъемлемой частью политики мультикультурализма. Тем самым страны ЕС демонстрируют готовность интегрировать выходцев из других стран в европейскую культурную общность. Они выражают надежду, что со временем прибывшие в Европу беженцы смогут занять достойное место в новом для них обществе. На практике ситуация выглядит довольно противоречиво. Пребывающие в Европу беженцы имеют большие проблемы в процессе интеграции в новую социально-культурную среду, что в целом несколько обостряет социальную обстановку в Европе.

На современном этапе глобализации вопрос о поиске своего места в системе мирохозяйственных связей остро стоит и перед Россией. Процессы, происходящие в России на протяжении последних 25 лет, имеют большое глобальное значение. В начале 1990-х годов именно российские рыночные реформы положили конец периоду раскола мира на две разные

экономические системы и дали определенный импульс для распространения глобальных ценностей. При этом нельзя не признать, что идеологические ориентиры (в том числе и в хозяйственной деятельности), популярные в индустриальных странах Запада, далеко не в полной мере воспринимаются российским обществом. Опыт России показывает, что невозможно просто скопировать институциональную систему, которая обеспечивала бы эффективное функционирование рыночных механизмов в условиях глобальной конкуренции. Подобная институциональная система должна формироваться и развиваться внутри национальной экономики и органически сочетаться с ментальными особенностями населения. Не следует забывать и об актуальных проблемах экономики России в глобализирующемся мире. Доля российской экономики в мировом ВВП составляет из года в год не более 2 %, а в мировом экспорте — не более 3 %. Структура российской внешней торговли традиционно носит односторонний характер: регулярно экспортируются прежде всего сырьевые товары, в то время как ввозятся преимущественно конечные продукты. Такое положение дел обуславливает высокую степень зависимости российской экономики от динамики мировых цен на нефть, которая по своей природе крайне волатильна. События последних трех лет полностью подтверждают данное положение, о чем свидетельствует развитие кризисных тенденций после падения

цен на нефть начиная с 2014 года. В российской экономике до сих пор не созданы механизмы, которые бы обеспечивали заинтересованность отечественных и иностранных инвесторов в реализации крупных проектов, связанных с модернизацией производственных мощностей.

Наряду с этими традиционными для России проблемами возникает необходимость некоего переосмысления национальной идеи и поиска новых направлений международного сотрудничества. Некоторое обострение отношений со странами Запада, сопровождающееся введением санкций и контрсанкций, не только стимулирует поиск новых резервов для внутреннего развития (идея импортозамещения и направленные на ее реализацию программы), но и побуждает активнее искать новых партнеров. В данном аспекте следует выделить утверждение позиций Китая как главного экономического партнера России, а также определенный прогресс, связанный с интеграционными процессами в рамках евразийского пространства. В целом можно предположить, что современный этап глобализации связан с усилением тенденций регионализации и формированием новых региональных конфигураций в глобальном сотрудничестве. В этих условиях для России крайне важно сочетать развитие внутренних экономических реформ с определением наиболее эффективных региональных направлений во внешнеэкономической деятельности.